

УДК 34.01; 340.12

ПРАВО КАК ФЕНОМЕН КОЛЛЕКТИВНОЙ ВЕРЫ: КОНЦЕПЦИЯ ЭММАНУЭЛЯ ЛЕВИ

© 2020 г.

В.В. Пужаев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

notionn@mail.ru

Поступила в редакцию 03.03.2020

Исследуются правовые идеи видного французского юриста первой половины XX века Эммануэля Леви, связанные с осмыслением природы права и обнаружением тех истоков, из которых право возникает. Опираясь на анализ первоисточников, автор устанавливает, что Леви проповедовал своеобразное «фидеистское» понимание права, поскольку в его учении провозглашается, что всякое право основывается на коллективных верованиях социальных групп. И, наоборот, вне коллективной веры права не существует. Этот тезис у Леви распространяется равным образом на объективное право, формализованное в виде нормативной системы в законодательстве и судебной практике, и на субъективное право, которое Леви редуцирует к коллективно реализуемому праву требования. С учетом тезиса Леви о том, что право – это практический субститут религии, дается подробная характеристика его воззрений по поводу существа коллективных верований, способных породить право. Эти верования, с точки зрения Леви, являются: сверхинтеллектуальными (алогическими или мистическими); творческими (активными и преобразующими социальный порядок); измеримыми (поскольку право рождается, когда алогические верования измерены в горниле разума, пропущены сквозь фильтр строгой рассудочной деятельности, где основные измерители, которыми оперируют верификаторы верований – судьи, суть время и деньги). Впервые в российской юридической науке уделяется внимание рассмотрению различных значений понятия *croiance* (фр. – «верование»), которым повсеместно пользуется Леви. Установлено, что в ряде случаев термином *croiance* Леви обозначает фактическую основу, которая обуславливает возможность преобразования права во времени, служит элементом, обеспечивающим эволюцию права. С другой стороны, понятие *croiance* в учении Леви интерпретируется в качестве философской основы трансфера прав, совершающегося между индивидами под властью законодательно определенного состояния. Сформулирован ряд выводов относительно роли и значения правовых идей Эммануэля Леви в общей теории и философии права.

Ключевые слова: право и религия, природа права, коллективные верования, психологическая теория права, фидеизм.

*Наше верование в закон – вот наш настоящий закон.
Эммануэль Леви*

Вопрос о происхождении права, его действительных истоках и основах, всегда служил предметом значительных споров между представителями различных направлений юридической мысли. Богатая история научных дискуссий принесла этой проблеме «славу» одного из извечных вопросов всего правоведения. Знаменитая кантовская формула о том, что «юристы до сих пор ищут своё определение права», с годами, как ожидалось, не канула в Лету, но приобрела характер всегда актуального констатирующего положения. В наши дни вопрос о природе права по-прежнему остается в центре внимания общей теории и философии права. С его успешным прояснением академическое сообщество традиционно связывает возможность удовлетворения множества нужд как теоретической, так и практической юриспруденции. При этом достаточно очевидно, что

успешное осмысление феномена «право» невозможно без широкой опоры на накопленный исторический опыт правопознания, без вовлечения в научный оборот идейного наследия прошлых эпох.

Значительную часть XX века отечественная юридическая наука вынужденно развивалась в рамках узконормативного и при этом классового подхода к праву, согласно которому под правом понималась возведенная в закон воля экономически господствующего класса. Популярные для западных авторов «поползновения» в сторону психологического и социологического измерения права не могли снискать себе широкой поддержки в советской литературе по причине их буржуазного происхождения. Успехи дореволюционных правоведов также были поставлены под сомнение. Единственно верной методологической базой правового анализа бес-

компромиссно признавался марксизм, у которого имелась своя собственная социология права, солидарная с принципами диалектического материализма.

Кризис социалистической системы и последующее формирование новой российской государственности привели к устранению методологических стеснений в области правовых исследований. Сумев сохранить позитивное наследие советской школы, отечественная правовая наука подтвердила необходимость комплексного анализа явлений политико-правовой сферы, для чего потребовался постепенный переход к поливариантным моделям правопознания. Наступил период возвращения из забвения многих выдающихся имен дореволюционной юриспруденции.

Современный этап развития отечественного правоведения отмечен повышенным вниманием ученых к оригинальным наработкам западной философско-правовой мысли эпохи модерна, которые в прежние годы (в силу разных причин) не получили должного анализа и оценки в работах российских авторов. Требования времени задают тон формированию актуальной повестки фундаментальных исследований, ориентируя ученых на междисциплинарность научных поисков. Именно поэтому особый интерес для юристов представляют идеи тех мыслителей, которые при анализе права стремились выйти за тесные рамки юридического позитивизма, чтобы дать реалистическую трактовку права, используя методологическое богатство различных социальных наук. В этом отношении фигура Эммануэля Леви (1871–1944) – талантливого, но несколько подзабытого сегодня французского юриста, профессора Лионского университета, социолога, социалиста – занимает особое место.

В истории правовой мысли Эммануэль Леви известен, прежде всего, как один из самобытных последователей и ближайших соратников социолога Эмиля Дюркгейма, как политический активист, социал-реформист, разделявший политические взгляды Жана Жореса, как автор оригинального социолого-психологического обоснования права. Право, согласно учению Леви, покоится на коллективных верованиях (убеждениях, представлениях), которые конституируются как эманация коллективного сознания социальной группы. «Право – не что иное, как мир живых представлений», «право есть верования», «коллективные верования, измеренные в коллективных требованиях масс, создают жизнь права» [1, с. 93–95] – таковы, в сущности, основные констатации юридической теории Леви, пытавшегося через использование

идеи права-верования проникнуть в непосредственную суть правового, предложить реалистическую трактовку права путем описания непосредственного юридического опыта.

Коллективные верования, по мнению Леви, лежат равным образом в основе права объективного и субъективного. Первое представляет собой внешне выраженные правила поведения, формализованные путем официального провозглашения в законодательстве и творческих актах судебной практики. В свою очередь, субъективное право Леви редуцирует к коллективно реализуемому праву требования. В этой части своего учения он постулирует переход в современную ему индустриальную эпоху (начало XX века) к коллективным формам существования субъективных прав. Описанная трансформация иллюстрируется Леви примером формирования коллективного права труда. Так, Леви указывает, что изолированный рабочий не имеет прав, поскольку право принадлежит коллективу рабочих (группе). В частности, трудовой коллектив путем забастовки может манифестировать свои правопритязания, а суд, который принимает образ арбитра-посредника [2, р. 363–364], может своим «творческим» актом признать возникновение у коллектива испрашиваемого права, даже если оно будет входить в противоречие с ранее приобретенными правами владельцев предприятия, основанными на законе и ранее заключенных договорах. Используя тезис «верование создает право», Леви подвергает переосмыслению основополагающие категории частного права, такие как право собственности, ответственность, договор. Не имея возможности в рамках одной статьи охватить все своеобразие правовых взглядов Эммануэля Леви, ограничимся подробным анализом его воззрений по поводу природы коллективных правопорождающих верований. Это позволит нам сделать общие выводы относительно сущности разбираемой концепции правопонимания с тем, чтобы в дальнейшем осуществить разбор более частных вопросов, отраженных в учении французского правоведа.

Правопорождающие верования, с точки зрения Леви, не следует воспринимать как результат отвлеченной интеллектуальной работы, как следствие автономных усилий разума, но, напротив, исходно они могут быть охарактеризованы как мистические (то есть сверхинтеллектуальные) и активные (творческие). В противовес субъективистским теориям права, популярным в индивидуалистической парадигме XVIII–XIX вв., Леви заявляет, что верования совершенно не идентичны индивидуальной воле. Воля имеет по отношению к коллективно

переживаемым верованиям подчиненный характер. Волевые акты приобретают юридическую силу лишь в случае их адекватности в отражении и констатации нарождающихся в обществе коллективных представлений. Поместив в основание всякого права мистические, алогические верования, Леви (будучи по политическим убеждениям социалистом) допускает разрыв своих идей с классическим марксистским пониманием права как возведенной в закон волей экономически господствующего класса.

Леви добавляет, что сами правовые отношения не основаны на индивидуальной воле, как мы её понимаем. К примеру, положить свободную волю в основу договора означает отрицать сам договор, в особенности трудовой. Рабочий не имеет выбора, он хочет жить – вот и вся его воля. Юристы знают, – говорил Леви, – что, располагая право на фундаменте индивидуального желания, они сталкиваются с непреодолимыми трудностями, не позволяющими им корректно объяснить существо права юридических лиц, договоры в пользу третьих лиц и т.п. Рождение правовых отношений не может быть сведено к действию автономных волей, поскольку последние властвуют не более чем в кругу соответствующих интересов индивидов [3, р. 19–20].

Творческий и активный характер коллективных верований состоит в их преобразующем потенциале, имманентной способности путем своего утверждения в общественном сознании создавать новое право и одновременно лишать обязательной юридической силы прежние социальные регуляторы. Следовательно, смена векторов коллективного мышления неминуемо влечет переустройство тех или иных элементов правового порядка, базирующихся на «устаревших» формах социального восприятия. Основным пример, который Леви считает возможным представить в обоснование своих доводов, состоял в утверждении к началу XX века коллективного права труда. Труд стал ценностью, и он посредством рабочего движения формирует новое право, в соответствии с которым труд возводится в актив общества, а капитал обращается в пассив. Поскольку вере рабочих не корреспондирует (ввиду отсутствия капиталов, имущества) никакое обязательство, она формирует чистое право без обязательства, то есть право силы. Вера капиталистов, напротив, отягощена многочисленными обязательствами и потому занимает подчиненное положение. Она испытывает угрозу со стороны самого процесса своего осуществления, так как капиталы ответственны в случаях причинения ущерба коллективному праву. Следовательно, коллективная вера капиталистов будет растворена, ибо она

вынуждена растрчивать свою «жизненную энергию» на «покрытие» соответствующих обращенных к ней требований. Триумф коллективного права неизбежен, считал Леви, поскольку именно оно является закономерным следствием происходящих в обществе трансформаций, адекватным отображением голоса современной ему индустриальной эпохи. Через утверждение коллективного права Леви приходил, по его собственным словам, к юридическому обоснованию и описанию логики социализма.

Одним из обязательных признаков правопроявляющих верований Леви называет их коллективный характер. Французский правовед не скрывал, что основной постулат всей своей юридической теории (о том, что люди живут именно коллективными верованиями) заимствован им у Дюркгейма [4, р. 168], который в конце XIX века дал точное описание феномену социальной солидарности и озаботился разработкой правил социологического метода (метода анализа социальных фактов). С позиции Дюркгейма, причины социальных явлений следует искать не в закоулках индивидуальных представлений, но за их пределами, в области коллективного сознания. Однако учение Леви не следует считать всего-навсего послушным воспроизведением дюркгеймовской социологии в сфере права. Если для Дюркгейма коллективное сознание – это своего рода Высший Разум, некая «возвышенная инстанция», отдаленная и отстраненная от индивидуальных сознаний своих членов, то у Леви соотношение выглядит несколько иначе. В этом вопросе ученик отходит от холистических позиций своего учителя, чтобы обосновывать и представлять дуализм сознаний в категориях, близких скорее интерментальной (межгрупповой) психологии, чем коллективной психологии групп в истинном смысле. Леви предлагает свою интерпретацию коллективных верований, которые он представляет в качестве социального контакта или взаимного раскрытия индивидуальных сознаний в одном и том же направлении, в общей интуиции.

При этом система коллективных верований прочно увязывалась Леви с содержанием самой общественной среды во всей её многозначительной целостности. Признавалось, что всякая социальная общность способна иметь свои собственные убеждения. Сама среда, само общество со своими законами – такими, которые оно вынуждено себе представлять, – создают права, полномочия и в целом юридическое бытие [5, р. 94]. В основу правовых отношений следует положить практики, которые формирует общество и которые создают отношения легитимного доверия, то есть доверия, санкционированного со стороны социального коллектива [3, р. 20].

Являясь сложными по своей природе, коллективные верования оказывают двойное воздействие. С одной стороны, они стимулируют возникновение отношений между субъектами, формируют коллективные представления (в смысле устоявшихся в обществе понятий), групповые мнения, обрисовывают коллективные варианты поведения. С другой стороны, они оказывают влияние на представления, мнения и действия отдельных индивидов посредством стереотипов, которые они помогают создавать, поддерживать, преобразовывать и в случае необходимости нейтрализовывать (формируют правовые установки). То есть коллективное сознание социальных групп оказывает влияние на индивидуальное сознание своих членов, специфическим образом «усваиваясь» на почве индивидуального восприятия, но официально защищаемое государством исключительно на уровне единения («контакта») индивидуальных сознаний. Строго говоря, у Леви индивидуальность заимствуется из коллективности, общности. «Коллективные верования имеют тенденцию заставлять себя уважать, несмотря на индивидуальную волю» [6, с. 359–360].

Верования в концепции Леви являются скорее заимствованными из среды, чем собственными переживаниями обособленного индивида. «Человек зависит от верований своей социальной группы, присутствует тирания группы: группа принимает, она же исключает. Тирания выправляется множественностью объединений и развитием, в экономическом обществе, высших общих верований групп. ... Человек зависит от социальных убеждений: происходит слияние гражданских, уголовных, дисциплинарных санкций» [5, р. 143; 7, р. 177–178].

При этом Леви полагает, что горизонт верований более обширен. Конкретным коллективным убеждениям группы (то есть сложившимся по поводу определенного объекта веры) предшествует верование более общего порядка (отправное убеждение), поскольку «мы не можем верить без веры в то, что мы созданы верить, и без того, что другие, как и мы, верят в наше верование». Соответствующий акт признания в рамках кантовской философии именовался бы не иначе, как уважением достоинства человеческой личности, и служил для обоснования способности каждого человеческого существа выступать субъектом права. У Леви, с его специфичным поглощением индивидуального начала коллективным сознанием, ситуация выглядит весьма схожей. Всякое «верование обретает смысл лишь благодаря вере, которая ему имманентна. ... Верование есть осознание веры, её необходимого присутствия. ... Эта вера внедрена в человечество» [8, с. 232].

Впрочем, Леви, говоря о жизненной обусловленности верований, уделяет недостаточно внимания детализированным социальным исследованиям, несмотря на его искренние симпатии по отношению к социологии и её инструментальной составляющей. Подробное описание морфологического базиса общества, изучение внешних аспектов поведенческих стереотипов остаются за рамками юридических размышлений правоведа. Содержание базовой категории «коллективные верования» у него в значительной степени носит недоказуемо-гипотетический характер, поскольку верования объявляются не интеллектуальными, не волевыми, а мистическими, алогическими. Эти убеждения являются трудными для постижения, фактически недоступными для непосредственного познания. Можно лишь надеяться приблизиться к ним через подходящие методы научного анализа, которые позволят интуитивно приоткрыть завесу внешних форм и попытаться «уловить» их глубинную суть. Леви решает эту проблему вполне оригинально, используя концепт взаимного одалживания верований субъектами. Леви пишет, что «верование не доказывается, верование не констатируется, у нас нет аппаратов ментальной оптики, инструментов социальной психологии, которые позволили бы прочесть в голове людей их убеждения. Я не знаю ваших верований, вы не знаете моих: мы приписываем себе, мы предполагаем, мы обоюдно одалживаем друг другу верования, вот и все. И тогда все, что собственник может доказать, это то, что он совершил поступок, позволяющий одолжить ему верование, по которому он является собственником, и то, что другие верят в его верование, иными словами, что они верят в его право» [5, р. 114].

Ещё одним необходимым свойством порождающих верований Леви называет их взвешенность, измеримость. Ограничение коллективной веры мерой, подчеркивает он, выступает важным критерием различения мистического и юридического, морального и правового. Чтобы приобрести юридически значимый характер и создавать право, коллективные представления должны быть лимитированы «мерой», которой являются такие элементы, как время и деньги (число). «Права есть измеренные верования, в справедливости все исчисляется» [5, р. 177], – пишет Леви. «Справедливость достижима, поскольку права являются обдуманно социальными фактами». «Время, деньги являются мерами, составляющими элементами права. Если нет временных границ, мы находимся в абсолютной духовности; если нас заботит неуплата денег, мы находимся под гне-

том временного» [6, с. 354, 357; 9, р. 701]. В небольшой работе «Определения для кодекса коллективного права» Леви раскрывает этот тезис более определенно: «разум является мерой веры», права являются измеренными верованиями (или обязательствами), которые государство защищает (измеренными, так как любое присуждающее решение содержит число: размер возмещения убытков, штраф и т.д.) [10, р. 380].

Права, которые выступают в качестве социальных возможностей индивидов, измеряются, но они и сами являются мерами, – считал Леви. Системой зафиксированных «мер» следует признать объективное право. Так, уголовное право представляет систему тарифов, которая доводит до сведения субъектов соответствующие числа: такая-то сумма штрафа, столько-то дней заключения. Конституция, как центральный нормативный акт публичного права, говорит о сроках осуществления полномочий органами государственной власти. Этот перечень можно продолжать. Все права, все полномочия, любой шаг измеримы во времени, в деньгах [11, р. 61]. Леви уточняет также, что когда капиталист выходит за пределы меры, он выходит за рамки права. Используя расширительное толкование этой позиции ученого, можно прийти к выводу, что всякое отклонение от меры сигнализирует нам об отдалении субъекта от права.

Утверждение Леви об абсолютном примате коллективной веры (хотя и измеряемой разумом) позволило некоторым исследователям представить его идеи как своеобразное проявление фидеизма, поскольку в содержании категории *croyances* читается отчетливый религиозный подтекст [12, р. 172]. Примечательно, но Леви действительно именовал право фактически религией, апеллируя к особенностям исторического генезиса правовых установлений как регуляторов поведения человека: «Вы слышите от меня, – подчеркивал Леви, – что я постоянно говорю о веровании, и вы думаете, что это какая-то мания. Однако, без сомнения, такая манера говорить перестанет удивлять вас, если я скажу вам, что изначально право было религией, и то, как мы сейчас его излагаем, это лишь практический заменитель (субститут) религии» [5, р. 117]. Изначально «правовые отношения защищались священниками от имени Божества, сегодня они защищаются от имени государства, но функция судьи – это религиозная функция». «Право – это религия» [5, р. 118].

Когда Леви говорит о том, что право является религией, он не ограничивается простым указанием на общность их исторического генезиса. Он подразумевает, что, как родственные явления человеческого мира, право и религия имеют

также процедурное сходство. Уже в 1909 году Леви резюмирует названную мысль короткой социологической формулой, согласно которой юридические верования следуют из более или менее строгих ритуальных действий субъектов. И хотя в работах Леви мы не находим подробного описания данного родства, полагаем, что он вполне бы мог согласиться с обоснованием, которое сегодня можно встретить в современной литературе. Так, известный американский юрист Г.Дж. Берман указывает: «Ритуалы права (включая и те, что сопутствуют законодательной деятельности, отправлению правосудия, ведению переговоров и вынесению судебного решения), подобно ритуалам религии, являются торжественной инсценировкой глубоко прочувствованных ценностей. Как в праве, так и в религии такая инсценировка необходима для манифестации их полезности для общества, но главное – для внушения эмоциональной веры» [13, с. 21–22].

Несмотря на внешнюю стройность предлагаемых юридических конструкций, в учении Леви оказалось немало «внутренних пустот», пробельных зон, которые усложняли общее восприятие его идей со стороны заинтересованных читателей. Образный, пропитанный духом социализма и римского права, но чрезвычайно лапидарный стиль изложения Леви делал его непохожим на остальных авторов эпохи, творивших на поприще юридической науки. Язык Леви – это язык строгих социологических и юридических формул, зачастую лишенных необходимых в таком случае дидактических и логических переходов, авторских пояснений, которые обычно ожидают увидеть, открывая труды по фундаментальным проблемам теории и философии права. Не случайно в одной из рецензий, подготовленных по поводу сочинения Леви о естественном праве, его стилистика получает сравнение с литературным талантом популярного французского эссеиста и беллетриста 1920–30-х гг. Поля Морана.

Определенную сложность восприятия идей Леви создает также многозначность термина *croyance* (верование), которым повсеместно пользуется Леви и который неизменно служит центром всех его правовых рассуждений. Анализ трудов Леви показал, что он оперирует указанным понятием в нескольких сообщающихся и даже сосуществующих смыслах. С одной стороны, термином *croyance* Леви обозначает фактическую основу, которая обуславливает возможность преобразования права во времени. В этом смысле верования становятся неизменным спутником и базовым фактором эволюции права. Вся эволюция в юридической сфере, соглас-

но Леви, сводится к постоянному движению прав, постоянному нарушению прав под влиянием возникающих треволнений коллективного сознания, которое уничтожает права точно так же, как оно их порождает. С этой точки зрения, значимые исторические события, такие как отмена рабства или же преодоление феодализма, представляются им в новом качестве, а именно как состоявшиеся отмены завоеванных прав собственников рабов и феодальных собственников, но не более. Отмены, которые были вызваны и освящены временными (то есть соответствующими определенной эпохе) колебаниями коллективной веры.

С другой стороны, понятие *croyance* в учении Эммануэля Леви может быть рассмотрено с позиции отдельных этапов социальной эволюции. Леви для этой цели выбирает действующее на начало XX века французское законодательство. Он считает, что все резолюции закона, впрочем, как и все решения судебной практики, отвечают потребности доверия, необходимой для деятельности общественных индивидов, которую они каждодневно испытывают в огромной паутине социальных взаимосвязей. Это доверие является верой. В этом втором смысле верование (убеждение) является философской основой трансфера прав, совершающегося между индивидами под властью законодательно определенного состояния. Как верно подчеркивал современник Леви, французский юрист Гастон Морэн, именно эта вера переводится известной с давних времен максимой «*Ergo communis facit jus*» (лат. – «всеобщее заблуждение творит право») [14, р. 21–22], которая выражает идею о том, что любая коллективная вера, даже ошибочная, детерминирует правовые отношения.

Яркое описание природы коллективных верований не убергло Леви от нападков со стороны именитых коллег, которые посчитали, что вопрос об истинных истоках таких представлений остался до конца не проясненным. Шарль Бруйе заметил по этому поводу: сказать, что право – это верования, фактически – ничего не сказать, поскольку необходимо пояснить, откуда берутся эти верования. И если Леви констатирует, что они следуют из победы некоторых экономических сил, то не следует ли из этого вывод о том, что право – не более чем выражение насилия [15, р. 165]? Другие деятели эпохи (Ж. Рипер) упрекали Леви в том, что он хочет поддерживать право, которое ложно направит нас к человеческим страстям, поскольку толпе возвещается: «право будет тем, чем вы захотите, чтобы оно было». Весь его «превосходный и беспристрастный» анализ может узаконить вся-

кие насильственные действия и любые конфискации и по факту является заранее сделанным обоснованием всякого рода разрушений и захватов [16, р. 32]. Такое понимание, посчитали некоторые юристы – современники Леви, извращает саму идею права и делает из него послушное орудие для свершения произвола.

Леви, который в политическом отношении всегда выказывал верность принципам справедливости и гуманизма, не мог согласиться с подобным прочтением своих идей. В полемическом запале, направленном против критиков, он подчеркивает, что «верит не кто угодно» и что право – это вовсе не произвол, но действительный продукт социальной жизни общества. Только те убеждения, которые являются настоящим отображением социальных репрезентаций, способны, по мнению Леви, порождать право. Верования, носящие исключительно индивидуальный характер, не согласующиеся с живым «голосом социума», не получают защиты со стороны государства и правом не становятся. Ознакомиться с «каталогом» защищаемых коллективных верований, которые и есть право, можно, обратившись к положениям законодательства государства, а также резолюциям судебной практики. В отличие от законодательства, судебная практика как источник (форма) права более приближена к жизни. У судов имеется возможность оперативно засвидетельствовать в своих решениях «рождение» новых коллективных верований, которые, замечает Леви, могут входить в противоречие с уже существующим легальным порядком. В той мере, в какой данные судебные акты являются прямым выражением коллективного желания группы, они приобретают черты источника права, стоящего над законом. В этом отношении учение Эммануэля Леви приближается к так называемой «школе свободного права», поскольку поддерживается общая для озвученного направления мысли идея о «применении права против права» в ходе деятельности суда.

Проведенное исследование взглядов Эммануэля Леви относительно природы права позволяет сформулировать следующие выводы.

Право представляет собой довольно уникальный и многогранный феномен социального бытия. В историческом плане процесс познания права – это перманентное движение по пути обнаружения, открытия, распознавания его специфических свойств, смыслов, форм, проявлений, образов. В богатой палитре концепций правопонимания, созданных в эпоху модерна, идеи Эммануэля Леви занимают особое место.

В своем учении Леви предпринял интересную попытку представить сферу права как про-

странство, в котором происходит постоянная интеллектуализация коллективных верований, в котором с помощью количественного расчета разума обеспечивается логическое усвоение сверхинтеллектуальных импульсов коллективной жизни, недоступных непосредственному наблюдению. Призывая юристов заняться констатацией социальной реальности, Леви неизменно подчеркивал, что основу всякого права составляют именно коллективные верования, демиургом которых является коллективное сознание группы. При этом познать право (ввиду алогического и мистического характера коллективной веры) можно только апостериори, обратившись к данным непосредственного юридического опыта, где лучшим помощником для ученого оказывается анализ нюансов судебной практики. Последняя есть юридическое вместилище перипетий самой социальной жизни, формализованное отражение состояний коллективного сознания.

Леви не оспаривает, что право содержится в законодательстве, которое, с этой точки зрения, является относительно стабильным, формализованным «каталогом» защищаемых государством коллективных верований. Он признает, что судебное правоприменение происходит на основе и в рамках правил, установленных законодательным корпусом. Однако, констатирует Леви, социальная жизнь настолько сложна и многообразна, что делает утопичной саму идею её строгой фиксации в кодексах – «неподвижных юридических рамках». Судебная практика в этом смысле обладает творческим потенциалом. Она содействует оперативному уточнению (верификации) законодательства, подновляя его содержание и приводя его в соответствие с манифестированными коллективными требованиями масс. В этом, согласно Леви, и состоит задача юристов – зафиксировать право таким, каким его хочет видеть «коллективная воля» (она, в свою очередь, обусловлена потребностями общественного развития).

Располагая право на фундаменте коллективной веры (веры по природе неустойчивой, подверженной значительным изменениям в зависимости от векторов общественного мнения), Леви приходит к обоснованию относительности всякого права. Концепция права-верования позволила Леви показать причины дисконтинуальной природы права, а также дать научное описание происходящей в правовой сфере эволюции. В частности, Леви утверждал, что никакое право (например, право собственности) не может передаваться от одного лица к другому. В реальности, полагал Леви, в каждой так называемой «передаче» одно право погибает и рождается другое – новое право, без того, чтобы это

рождение как-либо зависело от исчезновения предыдущего права, поскольку владелец обретает свое право не от предыдущего владельца, но от общества, которое отказывается в его пользу. Возникновение и исчезновение права определяется коллективной волей, но не индивидуальной. Собственно, сама эволюция права рассматривалась Леви как последовательная смена тех или иных вариаций коллективных убеждений, циркулирующих в социальной среде, которая приводит к трансформации существующих на определенном историческом этапе элементов правопорядка.

Для своего времени идеи Эммануэля Леви явились значительным шагом вперед в вопросах осмысления социально-психологической природы права. Без сомнения, Леви оказался одним из первых европейских юристов, всерьез озаботившихся описанием коллективно-психологических начал права (в 1896 году), а его знаменитая формула «право основывается на верованиях» стала отличительной меткой его непохожей ни на чью и образной мысли.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00254 «Правовое учение Эммануэля Леви: опыт социологического обоснования права».

Список литературы

1. Пужаев В.В. Юридический идеализм Эммануэля Леви: проблема социолого-психологического понимания права и его оснований // Евразийский юридический журнал. 2015. № 11. С. 93–96.
2. Herrera C. M. Entre équité et socialisme? Le juge et la question sociale dans le débat politico-doctrinal français du début du XX-e siècle // Quaderni fiorentini per la storia del pensiero giuridico moderno. Milano, 2011. Vol. 40. T. 1. P. 331–366.
3. Lévy E. La grève et l'entente // Questions pratiques de législation et d'économie sociale. 1911. T. XII. P. 19–21.
4. Lévy E. Les fondements du droit. Paris: F. Alcan, 1933. 169 p.
5. Lévy E. La vision socialiste du droit. Paris: Marcel Giard Libraire-Éditeur, 1926. 183 p.
6. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: ИД СПбГУ, Изд-во юридического ф-та СПбГУ, 2004. 848 с.
7. Zhu M. Le droit naturel dans la doctrine civiliste de 1880 à 1940. Thèse soutenue le 24 juin 2015. 369 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spire.sciencespo.fr/hdl:/2441/1qvabso9790srbefere2jck25> (дата обращения: 25.12.2019).
8. Лакруа Ж. Избранное: Персонализм: Пер. с франц. М.: РОССПЭН, 2004. 608 с.
9. Lévy E. Les mesures des droits // Revue trimestrielle de droit civil. 1930. T. XXIX. P. 701–702.

10. Lévy E. Définitions pour un code de droit collectif // Les Annales de l'économie collective. 1925. № 196–198. P. 380–381.

11. Lévy E. Les droits sont des mesures // Archive de philosophie du droit et de sociologie juridique. 1933. P. 60–64.

12. Roubier P. Théorie générale du droit: histoire des doctrines juridiques et philosophie des valeurs sociales. Paris: Recueil Sirey, 1951. 337 p.

13. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Пер. с англ. Д. Шабельникова и М. Тименчика. М.: Ad Marginem, 1999. 431 с.

14. Morin G. A propos de la maxime «Error communis facit jus» // Annales des Facultés de Droit et des Lettres d'Aix. 1906. T. II. №1. P. 1–32.

15. Bodin Ch. A propos d'un nouveau «Précis d'Économie politique»: Méthode économique et Socialisme juridique // Travaux juridiques et économiques de l'Université de Rennes. T. IV. Rennes, 1912. P. 155–193.

16. Ripert G. Le socialisme juridique d'Emmanuel Levy. A propos de «La Vision socialiste de Droit» // Revue critique de législation et de jurisprudence. 1928. T. 48. P. 21–36.

LAW AS A COLLECTIVE FAITH: EMMANUEL LEVY'S CONCEPT

V.V. Puzhaev

In this article, we study the legal ideas of Emmanuel Levy, a prominent French lawyer of the first half of the 20th century, related to understanding the nature of law and discovering the sources from which law arises. Based on the analysis of original sources, we establish that Levy advocated a kind of «fideist» understanding of law. His teaching proclaims that any law is based on collective beliefs of social groups. Conversely, law does not exist outside the collective faith. This thesis simultaneously embraces objective law, enshrined in the form of a normative system in legislation and judicial practice, and subjective law, which Levy reduces to the collective law of demand. Taking into account Levy's thesis that law is a practical substitute for religion, the article gives a detailed description of his views on the essence of collective beliefs which can originate law. These beliefs, from the point of view of Levy, are: super-intellectual (alogical or mystical); creative (active and transformative social order); measurable (law is born when alogical beliefs are measured by reason). At the same time, the main measuring factors that the verifiers of collective beliefs (judges) use are time and money. Special attention in the article is paid to the consideration of the meaning of the notion «croyance» (from French «beliefs»), which is used in Levy's doctrine. It has been established that in some cases Levy uses the term «croyance» to denote the factual basis, which determines the possibility of transforming the law over time (ensures the evolution of law). On the other hand, the notion of «croyance» in Levy's teaching is interpreted as a philosophical basis for the transfer of rights that takes place among individuals within the framework of the legal order. At the end of the article, a number of conclusions are formulated regarding the role and significance of the legal ideas of Emmanuel Levy in the general theory and philosophy of law.

Keywords: law and religion, nature of law, collective beliefs, psychological theory of law, fideism.

References

1. Puzhaev V.V. Yuridicheskij idealizm Emmanuelya Levi: problema sociologo-psihologicheskogo ponimaniya prava i ego osnovanij // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2015. № 11. S. 93–96.

2. Herrera C.M. Entre équité et socialisme? Le juge et la question sociale dans le débat politico-doctrinal français du début du XX-e siècle // Quaderni fiorentini per la storia del pensiero giuridico moderno. Milano, 2011. Vol. 40. T. 1. P. 331–366.

3. Lévy E. La grève et l'entente // Questions pratiques de législation et d'économie sociale. 1911. T. XII. P. 19–21.

4. Lévy E. Les fondements du droit. Paris: F. Alcan, 1933. 169 p.

5. Lévy E. La vision socialiste du droit. Paris: Marcel Giard Libraire-Éditeur, 1926. 183 p.

6. Gurvich G.D. Filosofiya i sociologiya prava: Izbrannye sochineniya / Per. M.V. Antonova, L.V. Voroninoy. SPb.: ID SPbGU, Izd-vo yuridicheskogo f-ta SPbGU, 2004. 848 с.

7. Zhu M. Le droit naturel dans la doctrine civiliste

de 1880 à 1940. Thèse soutenue le 24 juin 2015. 369 p. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://spire.scienc.espo.fr/hdl:/2441/1qvabso9790srbefore2jck25> (data obrashcheniya: 25.12.2019).

8. Lakrua Zh. Izbrannoe: Personalizm: Per. s franc. M.: ROSSPEN, 2004. 608 s.

9. Lévy E. Les mesures des droits // Revue trimestrielle de droit civil. 1930. T. XXIX. P. 701–702.

10. Lévy E. Définitions pour un code de droit collectif // Les Annales de l'économie collective. 1925. № 196–198. P. 380–381.

11. Lévy E. Les droits sont des mesures // Archive de philosophie du droit et de sociologie juridique. 1933. P. 60–64.

12. Roubier P. Théorie générale du droit: histoire des doctrines juridiques et philosophie des valeurs sociales. Paris: Recueil Sirey, 1951. 337 p.

13. Berman G. Dzh. Vera i zakon: primirenije prava i religii / Per. s angl. D. Shabel'nikova i M. Timenchika. M.: Ad Marginem, 1999. 431 s.

14. Morin G. A propos de la maxime «Error communis facit jus» // Annales des Facultés de Droit et des Lettres d'Aix. 1906. T. II. №1. P. 1–32.

15. Bodin Ch. A propos d'un nouveau «Précis d'Économie politique»: Méthode économique et Socialisme juridique // Travaux juridiques et économiques de l'Université de Rennes. T. IV. Rennes, 1912. P. 155–193.

16. Ripert G. Le socialisme juridique d'Emmanuel Levy. A propos de «La Vision socialiste de Droit» // Revue critique de législation et de jurisprudence. 1928. T. 48. P. 21–36.